

ГЛАВА I

НА БЕРЕГУ РЕКИ

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперёд; в своих жёлтых волнах он уносил сбившиеся в кучи ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмёрзшими в них тяжёлыми камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду: он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин.

Отлогие берега реки густо поросли высоким тростником, а немного дальше вздымались, словно высокие белые стены, размытые рекою обрывистые откосы меловых холмов.

Цепь этих холмов терялась вдаль, в туманном и голубоватом сумраке; дремучие леса покрывали её.

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая чёрная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков.

Только через эту тёмную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через неё они получали воздух и свет; из неё вырывался наружу дым очага, на котором днём и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы.

На пороге пещеры показался высокий, сухощавый старик с загорелой морщинистой кожей. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на темени. Его мигающие красные веки были воспалены от едкого дыма, вечно наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза под густыми, нависшими бровями, взглянул по направлению к реке. Потом он крикнул:

— Крек! — Этот хриплый отрывистый крик походил на крик вспугнутой хищной птицы.

«Крек» означало «птицелов». Мальчик получил такое прозвище недаром: с самого детства он отличался необычайной ловкостью в ночной ловле птиц: он захватывал их сонными в гнёздах и с торжеством приносил в пещеру. Случалось, за такие успехи его награждали за обедом изрядным куском сырого костного мозга — почётного блюда, приберегаемого обычно для старейшин и отцов семейства.

Крек гордился своим прозвищем: оно напоминало ему о ночных подвигах.

Мальчик обернулся на крик, мгновенно вскочил с земли и, захватив связку тростника, подбежал к старику.

У каменной лестницы он положил свою ношу, поднял в знак почтения руки ко лбу и произнес:

— Я здесь, Старейший! Чего ты от меня желаешь?

— Дитя, — ответил старик, — все наши ушли ещё до зари в леса на охоту за оленями и ширококорогими быками. Они вернутся только к вечеру, потому что — запомни это — дождь смывает следы животных, уничтожает их запах и уносит клочья шерсти, которые они оставляют на ветвях

и корявых стволах деревьев. Охотникам придётся много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, до самого вечера мы можем заниматься своими делами. Оставь свой тростник. У нас довольно древков¹ для стрел, но мало каменных наконечников, хороших резцов² и ножей: все они обточились, зазубрились и обломались.

---

¹ *Дре́вко* — длинная палка, на которую насаживается остриё копья. В первобытные времена наконечник копья был каменный: древние люди не умели ещё обрабатывать металлы, но могли оббить одним камнем другой, придав ему острые края. Получалось оружие твёрдое, но хрупкое (по сравнению с металлом). — *Здесь и далее примеч. А. Дубровского.*

² *Резе́ц* — каменный предшественник ножа. Делался, как и наконечник копья: первобытные люди отбивали одним камнем края другого камня, делая их острыми.

— Что же ты повелишь мне делать, Старейший?

— Вместе с братьями и со мной ты пойдёшь вдоль Белых холмов. Мы запасёмся большими кремнями¹; они часто попадаются у подножья береговых утёсов. Сегодня я открою тебе секрет, как их обтёсывать. Уже пора, Крек. Ты вырос, ты силён, красив и достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за другими детьми.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Крек, склоняясь перед стариком и с трудом сдерживая свою радость.

Старик ушёл в пещеру, откуда внезапно раздались странные гортанные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса.

Старик назвал Крека красивым, большим и сильным. Он, должно быть, хотел подбодрить мальчика; ведь на самом деле Крек был мал, даже очень мал, и очень худощав.

Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий первобытный ребенок. Но в его глазах светился живой ум; его движения были ловки и быстры.

Он стремился поскорее двинуться в путь и нетерпеливо ударял широкой ступнёй с крупными пальцами о землю, а всей пятернёй сильно тянул себя за губы.

Наконец старик вышел из пещеры и стал спускаться по высоким каменным ступеням с проворством, удивительным для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крек, были чуть прикрыты от холода жалкими плащами из звериных шкур.

Самый старший из них — Гель. Ему уже минуло пятнадцать лет. В ожидании того великого дня, когда охотники

---

¹ Древние люди использовали камень для изготовления всевозможных орудий — как боевых, так и бытовых: наконечники копий, стрел, кремнёвые ножи, скребки, рубила, иглы и т. д.

наконец возьмут его с собой на охоту, он успел прославиться как несравненный рыболов.

Старейший научил его вырезать из раковин остриём кремнёвого осколка смертоносные крючки. При помощи самодельного гарпуна¹ с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шел Рюг Большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уже приручил собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг гордо выступали впереди, а за ними серьёзно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетённые из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжёлой головкой, другие — копьё с каменным наконечником, а третьи — что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи и не попасть в когти диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие, — Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

Только один, самый маленький представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонёк.

---

¹ *Гарпун* — копьё, которое люди бросают с древнейших времён и до наших дней, чтобы поймать рыбу или водоплавающего зверя.

Это был младший мальчик — Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слёзы и мужественно исполнял свой долг.

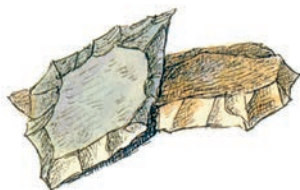
Сегодня его черёд поддерживать огонь от зари до ночи.

Ожо гордился этим. Он знал, что огонь — самая большая драгоценность в пещере; если огонь погаснет, его ждёт страшное наказание. Поэтому, едва мальчуган замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, он начинал быстро подбрасывать в костёр ветки смолистого дерева, чтобы вновь оживить огонь.

И если порой глаза Ожо заволакивались слезами, то единственным виновником этих слёз был едкий дым костра.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Другие заботы удручали маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему едва минуло шесть лет...

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся сегодня вечером из лесу с пустыми руками, то он получит на ужин всего-навсего два-три жалких побега папоротника, поджаренных на угольях.

ГЛАВА II

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЁН

Ожо был голоден, а его братья были ещё голоднее: ведь они долго шли на холодном ветру. Старейший всю дорогу шёпотом и знаками объяснял им, как узнавать росшие по берегу водяные растения. В зимнее время, когда нет мяса, их мясистыми корнями можно с грехом пополам наполнить голодный желудок.

Он говорил, а его маленьких спутников томило желание украдкой сорвать и проглотить дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели от морозов.

Но есть в одиночку строго воспрещалось. Всё, что находили, приносили в пещеру. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми. Поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешки всё, что собирали по пути.

Увы! Пока что им удалось найти только с десяток маленьких сухих яблок, несколько тощих, полузамёрзших улиток и серую змейку, не толще человеческого пальца. Змейку нашёл Крек. Она спала под камнем, который он повернул.

У Крека была привычка: куда бы он ни шёл, переворачивать по дороге все камни, какие были ему под силу.

Но если нашим путникам подалось по дороге мало съедобного, то большие куски кремня во множестве валялись по склонам холмов. Мешки мальчуганов сильно потяжелели. Самые маленькие шли, согнувшись под своей ношей. И всё-таки они изо всех сил старались скрыть свою усталость. Дети знали, что старшие привыкли молча переносить страдания и будут смеяться над их жалобами.

Дождь, мелкий град не прекращались ни на минуту.

Крек бодро шагал вслед за стариком, мечтая о том времени, когда он станет великим и славным охотником и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом катился с него, и немудрено: он тащил два огромных кремнёвых желвака¹.

За ним нахмурившись шли Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они, точно на смех, ничего не нашли за всю дорогу. Хоть бы рыбёшку какую-нибудь поймали. Отыскивали всего-навсего какого-то замороженного паука, такого же голодного, как и они.

Остальные брели как попало, съёжившись и понуриив головы. Дождь давно уже струился по их растрёпанным волосам и впалым щекам.

Так шли они долго. Наконец Старейший дал знак остановиться. Все тотчас же повиновались ему.

— Вот там, на берегу, под навесом утёса, есть хорошее сухое местечко для отдыха, — сказал он. — Садитесь... Откройте ваши мешки.

Кто лёг, кто присел на корточки на песок. Лучшее место под навесом мальчишки предоставили Старейшему.

Крек показал старику всё, что нашлось в мешках, и почтительно поднёс ему маленькую змейку. Такой лакомый кусок, по его мнению, должен был достаться Старейшему.

---

¹ Желва́к — кремний крупного размера.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал:

— Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому, так делали мои отцы. Посмотрите на мои зубы — вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и разные плоды и корни. Во времена моей молодости прекрасный друг — огонь, который все мы должны почитать, нередко надолго покидал наши стоянки. Иногда целыми месяцами, а то и годами мы, не имея огня, натруждали свои крепкие челюсти, пережёвывая сырую пищу. Принимайтесь за еду, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на жалкое угощение, которое им роздал старик.

После этого скудного завтрака, который только чуть-чуть утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они тесно прижались друг к другу, чтобы лучше согреться, и сразу заснули тяжёлым сном.

Только один Крек ни на минуту не мог сомкнуть глаз. Скоро с ним будут обращаться как с настоящим взрослым юношей, — эта мысль не давала ему заснуть. Он лежал не шевелясь и украдкой, с глубокой любовью и даже с некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь Старейший столько перевидал на своём веку, знал столько таинственных и чудесных вещей.

Старик, медленно пережёвывая корень, внимательно, зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него.

Наконец он выбрал кремень, округлый и длинный, похожий на огурец, и, придерживая его ногами, поставил стоймя.

Крек старался запомнить каждое движение старика.

Когда кремень был крепко зажат в этих природных тисках, старик взял обеими руками другой камень, более тяжёлый, и несколько раз осторожно ударил им по закруглённой верхушке кремня. Лёгкие, едва заметные трещины пошли вдоль всего кремня.

Потом Старейший аккуратно приложил этот грубый молот к обитой верхушке и навалился на него всем своим телом с такой силой, что жилы вздулись на его лбу; при этом он слегка поворачивал верхний камень; от боков кремня отлетали длинные осколки разной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края толстые и шероховатые, с другого — тонкие и острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.

Эти прозрачные осколки, цвета дикого мёда, резали не хуже наших стальных ножей. Но они были непрочны и скоро ломались.

Старик передохнул немного, потом выбрал один из самых крупных осколков и принялся оббивать его лёгкими частыми ударами, стараясь придать ему форму наконечника для копья.

Крек невольно вскрикнул от удивления и восторга: он собственными глазами видел, как изготавливают ножи и наконечники для копий и стрел.

Старейший не обратил никакого внимания на возглас Крека. Он принялся собирать острые лезвия.

Но вдруг он насторожился и быстро повернул голову к реке. На его обычно спокойном и гордом лице отразились сперва удивление, а потом невыразимый ужас.

С севера доносился какой-то странный, неясный шум, пока ещё далёкий; порой слышалось ужасающее рычание. Крек был храбр, и всё же ему стало страшно. Он попытался остаться спокойным и, подражая старику, насторожился, схватившись рукой за палицу.

Шум разбудил детей. Дрожа от страха, они повскакали со своих мест и кинулись к старику. Старейший велел им немедленно забраться на вершину почти отвесной скалы. Дети тотчас принялись карабкаться кверху, ловко цепляясь руками за каждый выступающий камень, пользуясь каждой выбоиной в скале, чтобы поставить ногу. На небольшом уступе, неподалёку от вершины, они улеглись на животы, облизывая ободранные в кровь пальцы.

Старик не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы, и Крек упрямо отказался покинуть его.

— Старейший! — воскликнул он. — Неведомая опасность грозит нам, как ты говоришь. Ты любишь меня, и я не покину тебя. Мы вместе умрём или вместе победим. Ты непоколебим и силен, ты будешь сражаться, а я... если оттуда идут к нам злые люди или дикие звери — я прокушу им печень.

Пока Крек, размахивая руками, произносил эту воинственную речь, грозный шум усилился. С каждой минутой он приближался к месту, где укрылись старик и ребёнок.

— У тебя, Крек, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку. Что ты видишь?

— Небо потемнело от больших птиц. Они кружатся над водой. Наверное, их злобные крики и пугают нас.

— А на воде ты ничего не видишь? Посмотри ещё раз. Птицы кружатся над рекой? Значит, они следуют за какой-то плывущей по реке добычей, выжидая, когда можно

будет накинуться на неё. Но кто же это так страшно рычит и ревёт? Я подниму тебя — взгляни ещё раз.

Но и на руках у Старейшего Крек напрасно всматривался в даль.

— Что видно сверху? — крикнул старик детям, лежавшим в безопасности на скале, над его головой. — Говори ты, Рюг.

— Что-то огромное чёрное виднеется на белой глыбе далеко, посередине реки, — ответил мальчик. — Но что это — разобрать нельзя. Чёрное шевелится.

— Хорошо, Рюг. Не чёрный ли это ширококорый бык?

— Нет, это чудовище больше широкорогого быка! — воскликнул Рюг.

— Слушай, Старейший! — вскричал Гель. — Теперь не одно, а два чёрных пятна видны на белой глыбе, и оба они шевелятся; а возле них глыба совсем красная.

— Я вижу их! Я их вижу! — подхватил Крек, побледнев и задрожав всем телом. — Там два зверя, и оба огромные. Они на льдине, а льдина больше нашей пещеры. Они не двигаются. Сейчас они проплывут мимо нас. Вот смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крека на землю и обернулся к реке.

То, что увидел старый охотник, заставило его побледнеть от ужаса. Крек и остальные дети плакали и дрожали от страха.

По пенистым, мутным волнам, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, плыла, кружась и покачиваясь, гигантская льдина.

На льдине виднелся чудовищной величины мамонт с косматой гривой. Задние ноги животного глубоко провалились, словно в западню, в трещину льда. Зверь стоял, с трудом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего, словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Всё тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзённого брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах.

Рядом с ним лежал огромный косматый носорог, поразивший своим рогом мамонта, — лежал неподвижно и безмолвно, задушенный своим могучим врагом.

В ту минуту, когда чудовища проплывали на окровавленной льдине мимо Старейшего, гигантский слон страшно заревел и свалился на труп побеждённого врага.

Земля задрожала от этого предсмертного крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы на мгновение словно замерли в воздухе.

Но затем они с новой яростью бросились на приступ ледяного плота, где покоились теперь два гигантских трупа. Коршуны и орлы накинудись наконец на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Старик обтёр рукой пот с обветренного лица и позвал своих маленьких спутников.

Стуча зубами, еле ступая дрожащими ногами, бедняжки спустились к старику, руку которого всё ещё судорожно сжимал Крек.

Разве можно было теперь приниматься за работу? Урок изготовления кремнёвых орудий был отложен, и все в угрюмом молчании, опасливо поглядывая по сторонам, двинулись обратно к пещере.

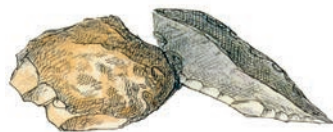
Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Они всё ещё слышали шум летевших птиц. Им чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые, наверное, следовали за жуткой льдиной.

Но мало-помалу они успокоились, и Крек, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

— Ожо завидовал нам, когда мы уходили. А теперь, пожалуй, будет рад, что ему пришлось остаться хранителем огня: ему не было так страшно, как нам.

Но Рюг покачал головой и возразил:

— Ожо смелый; он, наверное, пожалеет, что не видел этих чудовищ.

ГЛАВА III

ВЕЧНЫЙ ВРАГ

Дети без помехи вернулись домой до наступления ночи.

После страшного приключения, рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестёр, родная пещера, жалкая и дымная, показалась детям уютным жильём.

Здесь им нечего было бояться. Кругом поднимались крепкие каменные стены, а яркий огонь нежно ласкал и согревал их.

Огонь — лучший друг человека: он побеждает холод, он отпугивает диких зверей. Но есть один враг, против которого бессилён даже огонь.

Этот вечный враг всегда подстерегает человека и несёт ему гибель, стоит только перестать с ним бороться, — этот вечный враг всегда и во все времена был врагом жизни вообще.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на землю и истребляет тысячи людей, имя ему — голод.

Прошло четыре долгих дня с тех пор, как дети вернулись в пещеру, а охотники — деды и отцы — всё ещё отсутствовали.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или охота оказалась безуспешной? Или они напрасно рыскают до сих пор по лесу? — Никто не знал этого.

Впрочем, и Старейший, и матери, и дети привыкли к таким долгим отлучкам отцов. Они знали — охотники ловки, сильны, находчивы, — и совсем не беспокоились о них. Оставшихся дома одолевали иные заботы: все запасы пищи в пещере иссякли.

Небольшой кусок протухшей оленины — остаток от прошлой охоты — съели ещё в первые дни.

В пещере не оставалось ни кусочка мяса; приходилось приниматься за свежие шкуры, отложенные для одежды.

Маленькими плоскими кремнями с искусно зазубренными острыми краями женщины соскоблили шерсть и отделили жилки с тяжёлых шкур. Затем они разрезали кожи на небольшие куски. Эти ещё покрытые пятнами крови куски вымочили в воде и варили их до тех пор, пока они не превратились в густую клейкую массу.

Нужно заметить, что этот отвратительный суп варился без горшка. Изготавливать глиняную посуду люди научились гораздо позже, чем орудия из грубо обтёсанного и оббитого камня.

В пещере Крека воду кипятили в искусно сплетённых мешках-корзинах из древесной коры; такой мешок, разумеется, нельзя было ставить на горящие уголья; чтобы нагреть воду, в мешок бросали один за другим докрасна раскалённые на огне камни. В конце концов вода закипала, но какой мутной и грязной становилась она от золы.

Несколько корней, с трудом вырванных из замёрзшей земли, были съедены.

Гель принес какую-то отвратительную рыбу. Это было всё, что ему удалось поймать после долгих и тяжких усилий. Но и эту жалкую добычу встретили с радостью. Её тотчас же разделили и тут же съели: рыбу даже не потрудились поджарить на угольях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов много. Каждому досталось по крошечному кусочку.

Старейший, желая хоть чем-нибудь занять измученных голодом обитателей пещеры, решил раздать всем какую-нибудь работу. Об этих работах мы поговорим позже, а пока рассмотрим пещеру.

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спёртого воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей.

Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты¹ и падали тяжёлые капли воды. Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, накапливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасала первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели её часто простужались, болели. В наше время учёные нередко находят в таких пещерах вздутые, изуродованные кости.

Но вернёмся в жилище Крека. Вдоль стен главной пещеры, на грязной, покрытой нечистотами земле лежали кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур, — постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть тёплая, но посредине горел небольшой костёр; Крек, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из лежавшей рядом связки.

Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины,

---

¹ *Сталактиты* — висящие на потолке пещер каменные «сосульки». Они растут очень долго, сотни лет, капля за каплей. Если капли падают, на полу пещеры вырастает перевёрнутая «сосулька» — сталагмит. Со временем сталактит и сталагмит встречаются — и получается колонна, сталагнат.

пережёванная кора, рыбы кости, круглые камни и множество кремней разной формы.

Эти обломки кремней — остатки обеденных «ножей», резцов и других орудий. Кремнёвые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу.

Первобытные люди, конечно, и представить себе не могли, что когда-нибудь их отдалённые потомки будут рыться в кухонных отбросах, искать затупившиеся сломанные ножи, подбирать угольки их очага, чтобы потом выставить их в просторных залах великолепных музеев.

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетёных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли всю домашнюю утварь.

Зато оружия было много — и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас

копий, дротиков¹ и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, прикреплённые к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы — заострённые отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы — зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремнёвые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи².

Но мы напрасно стали бы искать в пещере какое-нибудь домашнее животное. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далёкие времена человек ещё не умел приручать животных.

Крек никогда не видел и не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в те суровые времена, о которых идёт речь в нашем рассказе, не видел и не знал, что такое колос ржи или ячменя. Никто, даже сам Старейший.

Быть может, он и находил иногда во время своих странствий по равнинам высокие, незнакомые ему растения, свежие колосья которых он растирал в руках, пробовал есть и находил вкусными. Наверное, он указывал на эти колосья своим спутникам, и те тоже с удовольствием грызли вкусные зёрна.

Однако понадобились века и века, прежде чем потомки этих людей научились наконец собирать семена растений, сеять их возле своих жилищ и получать много вкусного и питательного зерна. Но Крек никогда в жизни не видел ни хлеба, ни зерновой каши.

Обитатели пещеры не могли похвастать большими запасами пищи. Охота и рыбная ловля, особенно в холодное время года, доставляли так мало добычи, что её хватало

---

¹ *Дроти́к* — метательное копьё, только короче и легче копья для рукопашного боя.

² *Праща́* — метательное оружие из верёвки или ремня. Пращу с камнем раскручивали над головой, затем отпускали один конец пращи, и камень вылетал с большой скоростью.